

ДИСКУРС-АНАЛИЗ И ПРАГМАТИКА / DISCOURSE ANALYSIS AND PRAGMATICS

А.И. Зуева

A.I. Zueva

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

WAYS OF EXPRESSING THE CATEGORY OF EVIDENTIALITY IN THE RUSSIAN-LANGUAGE ENVIRONMENTAL SCIENTIFIC DISCOURSE

Экологические проблемы сегодня стоят в центре внимания мирового сообщества. В условиях стремительных изменений климата, роста населения и истощения природных ресурсов вопросы охраны окружающей среды приобретают первостепенное значение для человечества. В современной лингвистической парадигме отмечается устойчивая тенденция к количественному и качественному росту устных и письменных текстов, посвященных экологической проблематике. Данный феномен способствует институционализации особого типа дискурса – экологического, который приобретает статус самостоятельного объекта научного осмысления в рамках дискурсивного анализа. Сравнительно-сопоставительный анализ показывает, что экологический дискурс демонстрирует вариативность в разных языковых сообществах, проявляющуюся в специфике лексико-грамматических средств, стилистических приемов и коммуникативных стратегий. При этом универсальным параметром данного типа дискурса выступает систематическое использование эвиденциальных маркеров – языковых единиц, эксплицирующих источник информации и степень ее достоверности. Материалом исследования послужили научные статьи, опубликованные в научных изданиях на территории РФ, индексируемых ВАК и РИНЦ. Для исследования был выбран именно научный дискурс, поскольку академические статьи наиболее полно раскрывают те экологические проблемы, с которыми сталкивается современное общество. В ходе исследования были использованы следующие методы: структурно-семантический (исследование взаимосвязи типов эвиденциальных значений, источников информации и пропозиционального содержания предложения); коммуникативно-прагматический (исследование коммуникативно-прагматической основы эвиденциальной семантики и коммуникативно-прагматической и стилистической направленности маркеров эвиденциальности); сравнительно-сопоставительный (анализ средств выражения эвиденциальности в русском языке, выявление изоморфных и алломорфных черт, обуславливающих потенциальную способность к выражению категории). Результаты исследования показали, что в научном экологическом дискурсе чаще всего авторы прибегают

к косвенной опосредованной эвиденциальности, а именно ссылаются на работы других ученых, чьи идеи послужили основой для научной статьи, или на свои собственные предыдущие работы. Реже, встречаются случаи, где эвиденциальные средства выражаются при помощи лексических единиц со значением 'знание, которое известно всем/очевидно'.

Ключевые слова: дискурс, экологический дискурс, экодискурс, эвиденциальность, категория эвиденциальности, эвиденциальные средства.

Today, environmental challenges are at the forefront of global concern. Amidst rapid climate change, population growth, and the depletion of natural resources, environmental protection has become a paramount priority for humanity. The modern linguistic paradigm reveals a steady trend toward the quantitative and qualitative growth of oral and written texts dedicated to environmental issues. This phenomenon contributes to the institutionalization of a specific type of discourse – environmental discourse – which has gained the status of an independent subject of scientific inquiry within discourse analysis. A comparative study demonstrates that ecological discourse exhibits variability across different linguistic communities, manifesting in specific lexico-grammatical means, stylistic devices, and communicative strategies. Simultaneously, a universal parameter of this discourse type is the systematic use of evidential markers – linguistic units that explicate the source of information and its degree of reliability. The research material comprises scientific articles published in Russian periodicals indexed in the Higher Attestation Commission (VAK) and the Russian Science Citation Index (RSCI). Scientific discourse was specifically selected for this study as academic articles provide the most comprehensive insight into the environmental challenges facing modern society. The study employed the following methods: Structural-semantic analysis: investigating the interrelation between types of evidential meanings, information sources, and the propositional content of the sentence; Communicative-pragmatic analysis: examining the communicative foundation of evidential semantics, as well as the pragmatic and stylistic orientation of evidentiality markers; Comparative analysis: analyzing the means of expressing evidentiality in the Russian language and identifying isomorphic and allomorphic features that determine the potential for expressing this category. The results indicate that in scientific ecological discourse, authors most frequently resort to indirect mediated evidentiality, specifically by citing the works of other scholars that form the basis of the article or referencing their own previous research. Instances where evidential means are expressed through lexical units signifying 'common knowledge' or 'obviousness' were found to be less frequent.

Key words: discourse, environmental discourse, ecodiscourse, evidentiality, category of evidentiality, evidential means.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-27-35

Одним из важных аспектов человеческой жизни является защита и забота об окружающей среде. В связи с тем, что вопросы экологии сегодня занимают особое место в мировой повестке, все больше и больше ученых стали свое внимание данной проблематике. В том числе и языковеды. В рамках лингвистических исследований актуализировалось изучение процесса формирования когнитивных представлений об окружающей среде посредством языковых структур. Это способствовало возникновению и последующему концептуальному оформлению понятия «экологический дискурс».

Первым, кто употребил данное понятие в научно-исследовательской литературе считается зарубежный исследователь Дж. Дризек, представивший дефиницию термина «экологический дискурс» в своей монографии «The Politics of Earth: Environmental

Discourse» [15, 27]. В рамках концепции автора экологический дискурс позиционируется как фундаментальный эпистемологический инструмент мировосприятия и интерпретации действительности субъектом. Согласно позиции исследователя, сфера функционирования рассматриваемого феномена не ограничивается узкоспециализированным экспертным сообществом (экологами), а охватывает широкий круг акторов, включая представителей медиасреды, государственных служащих, политических деятелей и рядовых граждан. В предложенной автором типологии выделяются радикальное и реформистское направления, в контексте которых экологический дискурс анализируется как действенный механизм, детерминирующий государственную стратегию и методы преодоления актуальных экологических вызовов.

В отечественной лингвистике значительный вклад в исследование данного языкового феномена внесла Е.В. Иванова, которая определяет экологический дискурс как многогранную совокупность текстов различной модальности (устных и письменных), объединенных единой экологической проблематикой [3, 10]. Важно отметить, что к экологическому дискурсу относятся исключительно те тексты и материалы, которые непосредственно касаются вопросов природы и экологии, что позволяет четко разграничивать его с другими видами дискурса. Опираясь на функционально-стилевые параметры экологической коммуникации, Е. В. Иванова предлагает дифференцировать соответствующий дискурс на четыре ключевых сегмента. К ним относятся [3, 12]:

1. Академический дискурс, представляющий собой совокупность интеллектуальных продуктов экспертного и академического сообществ. Данный сегмент ориентирован на трансляцию результатов теоретических изысканий и апробацию прикладных решений в сфере экологии.

2. Публицистический дискурс: его функционирование детерминировано медийными платформами. Ключевая интенция этого вида заключается в донесении актуальных экологических сведений до массового реципиента с целью формирования общественного мнения.

3. Теологический (проповеднический) дискурс, где экологическая проблематика подвергается теологическому осмыслению. Данная коммуникативная сфера аккумулирует письменный корпус канонических текстов и практику живого пастырского слова, где принципы природосбережения детерминированы религиозно-этическими императивами и догматическими установками конкретных конфессий.

4. Литературный (художественный) дискурс, который локализован в плоскости литературно-эстетической деятельности. Его специфика заключается в образной медиации между человеком и биосферой: экологическая проблематика здесь не просто констатируется, а подвергается творческой рефлексии, в процессе которой антропо-природные взаимодействия вербализуются через систему метафорических и эстетических кодов.

Каждый из этих типов имеет свои характерные особенности и способы подачи экологической информации, что позволяет охватить различные аспекты восприятия и обсуждения экологических вопросов в обществе.

Другой ученый, В.И. Карасик, рассматривает экологический дискурс как особый речемыслительный процесс, результатом которого является создание различных текстов на экологическую тематику, взаимосвязанных друг с другом за счет общих когнитивных стратегий. Таким образом, экологический дискурс выступает как целостная система, где каждый текст связан с другими общими принципами создания и интерпретации информации, что обеспечивает единое понимание экологических проблем и способов их решения [4, 67].

Еще один исследователь, Ф.Л. Косицкая, говоря о экологическом дискурсе подчеркивает, что его основной задачей является трансформация мировоззрения человечества в отношении природы и окружающей среды. Ценностная составляющая экологического дискурса включает как общечеловеческие, так и общенациональные идеалы,

которые выражаются в осознании неповторимости и уникальности окружающего мира. Ключевыми тематическими доменами экологического дискурса являются проблематика взаимодействия социума с природной средой и вопросы охраны окружающей среды. Специфика достижения коммуникативных целей в исследуемом дискурсивном пространстве детерминирована использованием ряда доминирующих стратегий. Согласно типологии, предложенной Ф.Л. Косицкой, к их числу относятся информационная, императивная (директивная), суггестивная (агитационная), экспланаторная и аксиологическая стратегии [7, 45].

Резюмируя вышесказанное, под экологическим дискурсом понимается совокупность гетерогенных (вербальных и невербальных) текстов, объединенных общей тематикой охраны окружающей среды. Его ключевая прагматическая установка заключается в трансформации когнитивных установок реципиента и формировании экологически ориентированных поведенческих паттернов.

Говоря о типах экологического дискурса, хотелось бы обратить внимание на научный дискурс, ведь именно из статей, написанных учеными-экологами, реципиент получает информацию о состоянии мира. И тот человек, который читает академический текст на тему экологии, должен быть уверен в достоверности, представленной ему информации, а значит быть осведомлен, откуда автору статьи стали известны те или иные данные. Эта информация отражается в тексте благодаря эвиденциальным средствам. Прежде, чем рассмотреть, какие эвиденциальные средства употребляются в русскоязычном научном экологическом дискурсе, требуется дать определение понятию «категория эвиденциальности».

Термин «эвиденциальность» берет свое начало от английского слова *evidence*, которое, в свою очередь, происходит от латинского *evidentia*. Этот лингвистический феномен обозначает особую грамматическую или лексическую конструкцию, которая указывает на то, что говорящий или кто-то другой является источником информации, то есть был очевидцем описываемых событий. С помощью таких средств в языке подчеркивается, что высказывание основывается на личном опыте или непосредственном наблюдении автором событий. Средства выражения эвиденциальности включают не только прямое указание на источник информации. Помимо этого, в языке используются различные способы, которые сигнализируют о том, что информация получена косвенно. Именно поэтому данная категория получила название «пересказывательная», поскольку она также отражает процесс передачи сведений, полученных не напрямую, а через другие источники.

Понятие «эвиденциальность» впервые было использовано в научных трудах известного американского этнолингвиста Франца Боаса. Ученый применил это понятие при исследовании структуры предложений в америндских языках [14, 60]. Основы же систематического изучения категории эвиденциальности в современном языкознании заложил известный лингвист Роман Якобсон в своей работе «Shifters, verbal categories and the Russian verb». Ученый ввел термин «evidential» («засвидетельствованность»), который обозначает способ указания на источник информации в языке [13, 135]. Эта категория отражает, откуда говорящий получил те или иные сведения.

Р. Якобсон выделил несколько основных способов получения информации:

1. Информация, полученная от других людей (косвенная передача, слухи).
2. Сведения, основанные на догадках и предположениях.
3. Данные, полученные из личного опыта самого говорящего.
4. Информация, полученная во сне.

Вопросом изучения категории эвиденциальности занимались многие российские лингвисты и языковеды. Среди них особо выделяются работы Н.А. Козинцевой, которая рассматривает эвиденциальность как особый способ маркирования источника той или иной информации в языке. Она отмечает, что способ маркирования чаще всего исходит от обязательности, вследствие чего все языковые факты можно разделить на две группы [5, 94]:

Первая группа – говорящий может строить свое высказывание, не давая указаний на источник информации. Вторая группа – находясь в определенных коммуникативных условиях, говорящему необходимо обязательно указать источник сведений.

Структурирование эвиденциальных значений базируется на противопоставлении прямой очевидности (результата личного наблюдения) и косвенной засвидетельствованности. Функциональный потенциал данной категории в языке заключается в спецификации источника сообщения, что дает возможность разграничивать сферу непосредственного когнитивного опыта говорящего и область опосредованного информирования.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что эвиденциальность – это такая грамматическая конструкция или лексическая единица, с помощью которой автор сообщает реципиенту, откуда были получена информация. На основе источника информации эвиденциальность подразделяется на прямую (когда автор был лично свидетелем произошедших событий – слышал или видел) и косвенную (когда информация была получена от другого человека. В свою очередь косвенная эвиденциальность может быть представлена в виде инферентива или презумтива).

В инферентиве (что в переводе с английского означает 'вывод' или 'умозаключение') в основе информации заложены не прямые наблюдения, а собственные размышления говорящего. Он делает выводы, опираясь на определенные признаки или улики. Сам говорящий не был непосредственным свидетелем события, но может восстановить картину произошедшего, проанализировав имеющиеся факты и сделав логические заключения на их основе.

Под презумптивом (от английского *предположение*) понимается способность человеком делать выводы о ситуации, опираясь на общие знания и жизненный опыт. В этом случае говорящий прибегает к использованию следующих типов знаний: 1) Общие логические соображения – то, что известно большинству; 2) Личное знание мира – собственный опыт и наблюдения.

Еще одним подтипом косвенной эвиденциальности является косвенная опосредованная эвиденциальность, известная как цитатив (или пересказывательное значение, ренарратив). В некоторых языках, таких как болгарский, эстонский и латышский, этот способ передачи информации даже имеет особые грамматические формы. Но и в других языках, включая русский и английский, он также может быть выражен и лексически. Впервые о косвенной опосредованной эвиденциальности заговорил В.А. Плунгян. Он выделил три основных источника получения информации [10, 352]:

1. Конкретный источник – когда точно известен автор высказывания:
 - Он сказал, что... / He said that...
 - Она рассказала, что... / She said that...
2. Неопределенный источник – когда источник информации не известен, но подразумевается некое третье лицо:
 - Говорят... / They say...
 - Мне сказали... / Somebody told me...
 - Слышно, что...
3. Общий фонд знаний – что-то, что известно каждому:
 - Как известно...
 - Как всем известно... / As everyone knows...
 - Говорят, что...

Каждый из этих способов помогает показать, насколько надежным является источник информации и как реципиент к ней относится.

Рассмотрим на конкретных примерах, какие эвиденциальные средства используются в русскоязычном экологическом научном дискурсе. Исследовательским материалом послужат фрагменты статей, опубликованных в научных журналах по теме

природопользование и экология, публикуемых на территории Российской Федерации в журналах ВАК и РИНЦ, а именно:

1. Журнал «Экология»: Рецензируемое научное издание, индексируемое в Перечне ВАК и входящее в «Белый список» научных журналов. Публикует оригинальные статьи и аналитические обзоры по результатам фундаментальных исследований в области теоретической и экспериментальной экологии, трактуемой в классическом понимании – как наука о взаимодействии живых организмов, их сообществ и среды обитания.

2. Сборник «Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии»: Рецензируемое периодическое издание, предназначенное для публикации научных трудов, охватывающих широкий спектр проблематики лесного комплекса, включая лесоведение, лесное хозяйство, защиту леса, лесное и лесоинженерное машиностроение, а также вопросы экологии, экономики отрасли и высшего профессионального образования.

3. «Российский журнал прикладной экологии» (Научный журнал, публикующий статьи научно-исследовательского характера по вопросам экологии и охраны окружающей среды.)

Анализ статей показал, что чаще всего в научных статьях используется косвенная опосредованная эвиденциальность, а именно указание на конкретное лицо, от которого была получена информация. Это может быть выражено в виде прямого цитирования с указанием на ФИО конкретного автора и его научный труд (примеры (1) и (2)), так и вследствие упоминания группы людей (ученых), которыми был совершено исследование (пример (3)):

1) *«В работе Гиндл с соавт. (19) была впервые показана связь между плотностью лигнина, измеренной с помощью УФ-фотомикрофотографии, и температурой воздуха в конце вегетационного периода»* [6, 376];

2) *«Куприянов и др. (2021) в своей работе приводят положительные результаты эксперимента по реконструкции почвенно-растительного слоя на нарушенных землях Кузбасса путем перенесения плодородного слоя почвы, содержащего органы и семена растений, ценозы почвенных беспозвоночных и микробные ассоциации на поверхность песчаникового отвала»* [8, 48];

3) *«Однако исследователи неоднократно обнаруживали очень большие – иногда на порядки величин – различия между оценками токсичности, которые получены в экспериментах с искусственно и техногенно загрязненными почвами»* [11, 423].

Иногда имя автора (источника информации) напрямую не называется, но на него ссылаются внутри текста, помещая информацию о нем в круглые (пример (4) и (5)) или квадратные (пример (6)) скобки:

4) *«Процессы самоочищения загрязненных нефтью почв, восстановление их экосистем осуществляются преимущественно благодаря функциональной активности почвенного микробного сообщества (Samblin et al., 2019), что требует выполнения действий, направленных на интенсификацию метаболических процессов»* [16, 3];

5) *«Анализируя информацию из открытых источников (Дягилева и др., 2012; Богданов и др., 2013; ГОСТ 33103.2–2017) и из отчетных материалов по паспортизации отходов ЦБП (17.21 ОКВЭД), которые подвергаются последующему сжиганию при их утилизации, целесообразно представить обобщенный состав минеральной части золы (рис. 1) различного происхождения на предприятиях ЦБП»* [2, 60];

6) *«Показано, что у растений, произрастающих в условиях атмосферного загрязнения, одним из проявлений общей ответной реакции фотосинтетического аппарата является ксерофитизация ассимиляционных органов [Николаевский, 2002; Колмогорова, 2016]»* [9, 143].

Тем не менее, авторы статей могут апеллировать не только исследованиями других ученых, но и брать за основу свои собственные предыдущие работы (примеры (7), (8), (9))

7) *«Например, в одной из наших работ результаты электронно-зондового микроанализа показали, что основные фазы-носители мышьяка в исследованных*

техногенно загрязненных почвах – это малорастворимые оксиды железа и сульфиды меди» [11, 425];

8) «В нашем предыдущем исследовании (20) показано, что в изучаемом регионе зависимости трех таксономических уровней от географических направлений (т.е. от расстояний на север, восток и т.п.), климата и рельефа различаются не только теснотой, но и знаком связей» [12, 273];

9) «Как показали наши исследования, для сохранения фотосинтезирующей поверхности исследуемые виды применяют различные стратегии адаптации, причем с увеличением уровня техногенной нагрузки увеличивается и количество задействованных адаптационных механизмов» [9, 145].

Репрезентация методологии и полученных эмпирических данных является неотъемлемым компонентом научного дискурса. Экспликация конкретных методов и приемов исследовательского процесса позволяет авторам обосновать достоверность представленных результатов. С точки зрения лингвистического анализа, подобная детализация служит маркером прямой эвиденциальности: она не только раскрывает генезис научного знания (инструментарий и его авторство), но и верифицирует статус исследователя как непосредственного субъекта познания, осуществляющего первичную обработку данных) см. примеры (10), (11), (12)).

10) «Дендроклиматический анализ показал, что на радиальный прирост сосны пицундской оказывает положительное влияние количество осадков июня–июля, однако для точки NSPB также установлена связь с осадками декабря прошлого года, марта и октября текущего года (рис. 2)» [6, 378];

11) «Анализ площади листьев годовичного побега древесных пород показал «классическую» реакцию ксероморфности листовой пластинки под воздействием техногенеза» [9, 143];

12) «Гистограммы сообществ живого напочвенного покрова ключевых биотопов демонстрируют, что распределение по семи классам обильности неравномерно: большинство видов относится к немногочисленным, то есть представлены незначительным числом находок, и лишь немногие виды являются массовыми» [1, 92].

Наконец, в качестве эвиденциальных средств используются лексические конструкции, указывающие, что представленная в тексте информация известна и понятна всем («всем известно...», «все знают...», «всем знакомо»). Это отражено в следующих примерах (примеры (13) и (14)):

13) «Хорошо известно, что медь – жизненно необходимый элемент для растений, животных и микроорганизмов, но он может быть токсичным, если присутствует в среде в высоких концентрациях» [11, 430];

14) «Как известно, степень антропогенного воздействия на растения во многом определяется всем комплексом условий произрастания» [9, 150].

Таким образом можно сделать вывод о том, что в русскоязычном экологическом научном дискурсе наиболее распространена:

I. Косвенная эвиденциальность, особенно в контексте анализа и обработки теоретической базы исследования. Авторы статей размещают в своих работах или в подстрочнике ссылку на имя и труд того ученого, чьи идеи или научные труды повлияли на собственное исследование автора, либо ссылаются на свои собственные предыдущие работы.

II. Поскольку при написании статей на экологическую тематику ученые прибегают к совершению все возможных экспериментов (заборы образцов, использование реактивов и пр.), авторы делают особый упор на то, какой метод был использован (кем он был создан и для чего), к каким результатам его использование привело и что автор сам был участником происходящих событий и им самим была обработана/проанализирована полученная информация («эксперимент показал...», «анализ показал...», «наблюдение показало...»).

III. Наконец, в качестве эвиденциальных средств могут быть использованы лексические единицы, указывающие на то, что данная информация не нова, она понятна и знакома каждому – презумптив («как известно...», «всем известною...», «хорошо известно...» и пр.)

1. Беляков Д.В., Корчагов С.А., Конюшатов О.А., Андропова М.М. Оценка видового разнообразия флоры ключевых биотопов при сплошных вырубках в Вологодской области // *Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии*. 2024. № 248. С. 89–102. DOI 10.21266/2079-4304.2024.248.89-102. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67877436> (дата обращения: 10.10.2024).
2. Дягилева А.Б., Смирнова А.И., Пилецкая А.С. Технологические решения использования золы-уноса в качестве композиционного реагента для очистки воды от лигногуминовых веществ природного и техногенного происхождения. *Российский журнал прикладной экологии* // *Российский журнал прикладной экологии*. 2025. № 1. С. 50–59. DOI: 10.24852/2411-7374.2025.1.50.59. URL: <https://rjae.ru/index.php/rjae/issue/view/42/42> (дата обращения: 04.06.2025).
3. Иванова Е.В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе: на материале медийных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск. 2007.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, аспекты, дискурс. Волгоград, 2002.
5. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // *Вопросы языкознания*. 1994. № 3. С. 92–104.
6. Комарова А.В., Кукарских В.В., Бубнов М.О., Дэви Н.М. Потенциал применения параметра blue intensity для оценки климатического отклика радиального прироста деревьев на полуострове Крым // *Экология*. 2023. № 5. С. 375–386. DOI 10.31857/S0367059723050062. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54348472> (дата обращения: 12.02.2025).
7. Косицкая Ф.Л. Французский экологический дискурс и его жанровая дифференциация // *Вестник Томского Государственного Педагогического Университета (ТГПУ)*. 2017. № 10 (187). С. 44–47.
8. Куприянов А.Н., Манакон Ю.А., Куприянов О.А., Шатилов Д.А. Реконструкция почвенно-растительного слоя на поверхности отвалов в Кузбассе // *Уголь*, 2021. № 2 (1139). С. 46–52 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rekonstruktsiya-pochvenno-rastitelnogo-sloja-na-poverhnosti-otvalov-v-kuzbasse> (дата обращения: 29.04.2025).
9. Лисотова Е.В., Сунцова Л.Н., Инишаков Е.М. Влияние атмосферного загрязнения на морфометрические показатели древесных растений в условиях г. Красноярск // *Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии*. 2025. № 252. С. 140–154. DOI 10.21266/2079-4304.2025.252.140-154. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80515834> (дата обращения: 15.05.2025).
10. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М. 2011.
11. Санта-Круз Х., Яньез К., Неаман А., Довлетярова Э.А., Дубровина Т.А., Воробейчик Е.Л., Крутяков Ю.А. Роль цинка в снижении токсичности меди для растений и микроорганизмов в техногенно загрязненных почвах: обзор // *Экология*. 2023. № 6. С. 422–434. DOI 10.31857/S0367059723060045. URL: <https://journals.rcsi.science/0367-0597/article/view/232836> (дата обращения: 03.03.2024).
12. Шарая Л.С., Иванова А.В., Шарый П.А., Костина Н.В., Розенберг Г.С. Влияние климата на таксономическое разнообразие сосудистых растений в Среднем Поволжье // *Экология*. 2023. № 4. С. 271–280. DOI 10.31857/S0367059723040108. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=RSQJYU> (дата обращения: 23.04.2024).
13. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // *Принципы типологического анализа языков различного строя /сост. О.Г. Ревзина. М. 1972. С.95–113.*
14. Boas F. (ed.). *Handbook of American Indian Languages. Part I. Washington*. 1911. P. 158.
15. Dryzek J.S. *The Politics of the Earth*. 2nd ed. Oxford. 2005.
16. Gordienko T.A., Sukhodolskaya R.A., Gorbunov R.P., Belosludcev A.D. // *Structure of herpetobionts communities in Volga-Kama State Reserve / Russian Journal of Applied*

Информация об авторе

Анастасия Игоревна Зуева,
Санкт-Петербургский Государственный
Университет (Санкт-Петербург, Россия).
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская набережная, д. 7–9.
Аспирант кафедры общего языкознания
им. Л.А. Вербицкой.
Научные интересы: дискурс, эколингвистика.
ORCID ID: 0009-0009-6013-6966
SPIN-код: 6530-2292, Author-ID: 1328877
E-mail: zuevaanastasia2399@mail.ru

Information about the author

Anastasia I. Zueva,
St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia).
199034, Russia, St. Petersburg, 7-9
Universitetskaya Embankment.
Postgraduate student of the Department
of General Linguistics named after L.A. Verbitskaya
Research interests: discourse,
environmental linguistic.
ORCID ID: 0009-0009-6013-6966
SPIN-code: 6530-2292, Author-ID: 1328877
E-mail: zuevaanastasia2399@mail.ru

Поступила в редакцию 28.12.2025;
одобрена после рецензирования 23.01.2026;
принята к публикации 23.01.2026;
опубликована 20.03.2026.

The article was submitted 28.12.2025;
approved after reviewing 23.01.2026;
accepted for publication 23.01.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Зуева, А.И. Способы выражения категории эвиденциальности в русскоязычном экологическом научном дискурсе // *Philologos*. 2026. № 1 (68). С. 27–35. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-27-35.

For citation: Zueva, A.I. Ways of expressing the category of evidentiality in the Russian-language environmental scientific discourse // *Philologos*. 2026. No. 1 (68). Pp. 27–35. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-27-35.

Права: © А.И. Зуева (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).